

Здесь, в стороне от официальной университетской кафедры, в тиши лаборатории, Фрейд неутомимо разрабатывал и критиковал свой собственный метод, все более и более совершенствуя его и превращая его в надежное орудие научной мысли.

Такое отношение к своему методу остается у Freud'a и до сих пор, когда психоанализу уже не грозят опасности и в целом ряде больших центров и с официальных кафедр читается курс психоанализа.

Успех не остановил работы Freud'a и в своей последней статье снова, как когда-то давно, он опять призывает к тому, чтобы усовершенствовать психоаналитический метод и сделать его более доступным широкому кругу страдающих людей.

Freud смотрит на свой метод, как на один из научных методов, позволяющих нам найти доступ и изучать область так называемого бессознательного. Психоанализ и является учением о бессознательном, об огромной и важной области человеческого духа, в которую у нас нет до сих пор путей помимо учения Freud'a.

Бессознательное, разрабатываемое и изучаемое психоанализом есть область, из которой сознание совершенно исключено, другими словами явления, диктуемые нам бессознательным, ощущаются как совершенно чуждые нам, не связанные, не обусловленные нашим «я», как бы извне навязанные, в чем неоповинно наше «я».

К таким явлениям относится все разнообразие навязчивых слов, мотивов, стремлений, которые, привязавшись к нам, никак не могут быть отогнаны, не подвластны нам и мы ждем с томительным чувством, когда они сами уйдут. Из того же бессознательного влияют на нас силы, заставляющие нас делать целый ряд ошибок, обмолвок, описок, вызывающие в нас специфическую рассеянность, забывчивость, пристрастие, раздражение.

Анализ вскрывает неизвестные нередко нам самим причины таких «симптомных действий» в аффективности нашего реагирования. Одной из существенных особенностей аффективных состояний является то, что они вызывают как бы расщепление сознания, появление целого ряда несвязанных между собою личностей в едином «я», другими словами,

аффект вызывает диссоциацию ¹⁾, наиболее ярко проявляющуюся в состояниях истерической забывчивости, амнезии.

Благодаря этому забвению, как состоянию непроизвольному, называемому в психоанализе *вытеснением*, достигается устранение из области сознания путем подавления, диссоциации с сознанием мучительных, неприятных переживаний и таким образом нарушается целостность, единство сознания. Появляется новая сфера, неощутимая как личное, приобретающая громадное значение в нашей жизни и тем более недоступная нашему воздействию, что она нигде и ни при каких условиях не может уже быть осознанной, синтезированной с нашим «я».

Однако устраненное таким образом из области ясного сознания переживание тем самым не уничтожено, оно, как инородное тело—секвестр, не связанное с нашим «я», продолжает существовать и как не подвластное сознанию вмешивается и нарушает плавное и нормальное течение душевных процессов.

Мне пришлось, например, пережить неприятное, тягостное положение, из которого я вышел таким образом, что это положение предалось забвению и я от него освободился. Но это освобождение только кажущееся, так как, не смея сознаться себе в этом переживании, не введя его в синтез моего душевного богатства, я вызвал состояние расщепления моего сознания, я сделал его бедным.

Аффект вытесненного переживания не был мной пережит до конца, не был изжит, и в моей душе остались неиспользованные силы. Этот процесс в психоанализе носит название «ущемленного аффекта ²⁾»; аффект как бы ищет выхода из области бессознательного и присоединяется и находит свое косвенное выражение в каждом случае, имеющем хотя бы самую отдаленную связь или аналогию с бывшим переживанием. Такая связь бывает нередко столь косвенной и непонятной для постороннего наблюдателя, что совсем не кажется убедительной и тем не менее сам страдающий этими вытесненными переживаниями в своих реакциях и поведении обнаруживающих скрывшийся аффект, объективно

¹⁾ Первоначальный термин, замененный затем термином «вытеснение»

²⁾ В сущности подвергшийся вытеснению.

указывает на эту связь, переживая при этом различные непонятные явления.

Бессознательное, таким образом, формируется из вытесненных из ясного сознания представлений и к нему, как казалось бы, у нас совершенно нет никакого доступа, тем более, что и психические процессы, имеющие место в этой области, отличаются своеобразными особенностями, вовсе неубедительными и недоказательными для нашего обычного сознания. При таких условиях может показаться доступ в область бессознательного для нас раз навсегда закрыт и у нас едва ли существует основание даже говорить о нем, как о какой-то реальности.

Однако наблюдения Freud'a над истеричными показали, что то, чего они не помнят и не знают в ясном сознании, они вновь и вновь переживают в своеобразной форме во время своих припадков и так называемых сумеречных состояний. Если из их сознания выпали целые периоды их жизни, недоступные уже воспоминаниям, то они действительно обнаруживаются во время припадков. Такие состояния являются наиболее яркими, убедительными выражениями тех процессов, которые в более слабой, не в столь болезненной форме можно наблюдать и у здоровых людей.

Истеричный, как утверждает Freud, страдает своими воспоминаниями.

Freud'у удалось показать, что таким сумеречным состояниям соответствуют те процессы, которые наблюдаются у здоровых людей в их сновидениях, и старое предположение, высказанное целым рядом выдающихся психопатологов о родстве состояний сна с болезненными явлениями в области психики нашло свое научное подтверждение.

Freud последовательно переходит от изучения сумеречных состояний к проблеме сна и во сне, в сновидениях открывает широкий путь к бессознательному.

Ближайшее ознакомление с процессами сновидений обнаружило, во-первых, что мышление во сне отличается особенностями так называемого примитивного мышления, символического мышления, к которому нормальный человек обращается в жизни в исключительно редких случаях.

В художественном творчестве, в области религиозных и экстатических состояний, как и в области психоневротиче-

ских переживаний, обнаруживается наиболее ярко это символическое мышление.

При таком способе мышления символ знак является совершенно равноценным, адекватным предмету, значком которого он является и нет никакого принципиального различия между тем и другим.

Если в практическом или логическом нашем мышлении знак—слово, есть не что иное как условное обозначение, облегчающее нам оперирование в окружающем мире, то во сне это овладение в мире сновидений дано нам прежде всего как непосредственное, желательное для нас овладение, а следовательно, бескритическое и полное.

Таким именно свойством обладает примитивное мышление ребенка и дикого человека, игнорирующих реальность и замещающих ее осуществлением своих желаний, этими же особенностями отличается наше мышление во сне, то же встречаем мы у психоневротиков в их симптомах болезни, потому что болезнь, психические расстройства у человека есть не что иное, как упрощение, возвращение назад к своему первоисточнику, но никогда не представляют собой какого-либо усложнения или дальнейшего развития психики. Эта особенность примитивного мышления у психоневротика и в нашем сновидении вызывает с нашей стороны определенное отношение к ним: сны, мы утверждаем не вдумываясь в них, «вздор», психоневротики и истерики говорят или делают глупости (см. 2-ую часть лекций).

Если практическое повседневное отношение к снам и к истерии может успокоиться на таком распознавании, не делающем ему чести, то наука, для которой нет ничего глупого или умного, должна все обратить в предмет своего исследования, тщательно наблюдать то, что для ненаучного, некритического ума так ясно и так просто разрешимо.

Наука, пользуясь психоанализом, стала изучать эти «глупости» и обнаружила в них много ценного и важного, такого, что проливает свет на очень многие явления, остававшиеся до сих пор загадочными или малозначительными.

Поскольку психоанализ исходит из этого примитивного, символического мышления, — он оперирует с такими явлениями, от которых точные науки и естествознание отклонялись, не удостоивая их внимания. Ведь, действительно,

явления, выражающиеся в форме символического мышления, требуют перевода своего на обычный язык понятий, при чем они теряют в этом процессе перевода столько, сколько, например, теряет художественное литературное произведение в простой безыскусственной передаче; при этом в сущности от первоначального произведения не остается ничего, кроме весьма незначительного содержания, вызывающего удивление перед тем, как такая фабула или сюжет могли вызвать в нас какое-либо переживание, таким оно представляется бледным и незначительным в передаче.

Вот почему и произведение искусства и символические продукты нужно воспринимать в той форме и в том виде, в каком они вылились, и с тем чувством, которое их сопровождало; при всех иных способах понять такие явления мы рискуем получить уже нечто новое, ничего общего не имеющее с тем, что мы изучаем или воспринимаем.

Эта особенность материала, изучаемого при психоанализе, вызывает к нему враждебное, недружелюбное отношение со стороны всех тех, кто заковывает явления в бездушные схемы; с другой стороны, затрудняет возможность передать его и всегда рождает сомнения в том, что процесс описан и истолкован правильно; для убедительности нужно самому все это видеть и наблюдать.

Эти трудности в передаче результатов, особенно самого процесса исследования, вызывают со стороны людей, фактически незнакомых с применением на практике психоанализа, естественное недоверие к нему.

Процесс, облегчающий нам доступ в область бессознательного, сложен; в двух словах его можно определить, как выявление «направленности», тенденции человеческого желания, о которых сам человек может или ничего или почти ничего не знать.

Наша сознаваемая направленность, избирательное отношение к окружающему, нами сознается обычно, как наш интерес, наше волевое напряжение, которое от времени до времени нарушается некоторыми процессами, уже не сознаваемыми нами, как наши личные и отмеченные особым характером—они вмешиваются, врываются в нашу жизнь.

Исходя из наблюдений над так называемым гипноидным состоянием, во время которого пациенты, свободно предоставленные себе, пропозировали слова и делали жесты,

совершенно не связывавшиеся с их бодрственным состоянием сознания, Freud предложил метод «свободных» ассоциаций, метод, сводящийся вкратце к тому, что человека просят сосредоточить свое внимание на том, что ему, помимо его воли, приходит, лезет в голову.

К таким мыслям, образам, обрывкам мыслей у нас, как правило, существует определенное отношение, не позволяющее нам при обычных условиях на них сосредоточиться. Только разве тогда, если в голову приходит «счастливая» мысль, мы приемлем ее, как желанную и с удовольствием констатируем, что она *наша*, *нам* пришла в голову.

Исследуя такого рода свободно возникающие содержания сознания, мы обнаруживаем, что если они не всегда связываются с сознательной деятельностью человека, зато они непременно говорят нам о таких его стремлениях, о существовании которых он, может быть, и не догадывается, и о тех путях, по которым тенденциозно текут и развиваются его мысли (желания).

Естественно, что при таком наблюдении может встать вопрос и явиться подозрение в том, что наблюдатель пристрастно не только объясняет такие мысли, но и как бы еще и вызывает желательные для него, тенденциозные проявления. Однако существует объективный способ убедиться в совершенно противоположном: эти незначительные, пустые мысли, «лезущие» в голову, на самом деле далеко не безразличны для того, к кому они приходят.

Доказательством этого могут служить факты, самые обычные в психоаналитической практике; это случается тогда, когда исследуемый в определенный момент, наконец, воспринимает не только эти мысли как свои, но, что гораздо важнее, поймет и тот символический смысл, который в них заключается или, лучше сказать, скрывается. Другими словами, за некоторым чуждым субъекту-образом или иным содержанием вдруг раскрывается ему действительно бывшее с ним тягостное переживание.

Всякий, кому приходилось видеть, быть свидетелем такого явления, легко подтвердит, что психоаналитический метод свободно возникающих мыслей или образов действительно дает возможность человеку проникнуть в глубину собственного бессознательного, понять и пережить его.

При таком прощании в бессознательное мало помогают наши объяснения и все наши остроумные догадки, так как терапевтический эффект может наступить лишь в том случае, если сам больной узнает и, мало того, переживает, почувствует, что это—его мысли, узнает их снова.

Вот почему нет никаких оснований говорить в психоанализе о внушении, так как прежде всего внушение и внушаемость только мешают психоанализу и потому психоаналитик борется с суггестией, так как она закрывает дорогу к бессознательному для самого субъекта. Если внушение есть пассивное подчинение, то психоанализ, наоборот, требует активного участия в лечении самого больного.

Во время такой деятельности, восприняв и вспомнив давно минувшие события жизни, исчезнувшие, как ему кажется, без следа, пациент вновь с прежней силой переживает свои воспоминания так, как если бы он снова был в тех же условиях жизни, в том же возрасте, в каком с ним это случилось впервые.

Нередко он, взрослый человек, ведет себя как ребенок, произносит детские слова, волнуется и горячится и потом сам удивляется этой неожиданной реакции, вполне правильно осознавая ее источник и ее причины.

Такие явления, самые рядовые в практике психоанализа, лучше всяких теорий и догадок подтверждают нам существование ущемленного аффекта ¹⁾, показывая, что на протяжении целого ряда лет, иногда двух и трех десятков, этот ущемленный аффект сохранил и прежнюю свою силу и прежнее содержание.

Когда, таким образом, не только найдена в сознании, но и пережита в чувстве больного причина психических неполадок, то тем самым устраняется и следствие. Действительно, такое наблюдение представляется наиболее убедительным и удивительным в психоанализе и не может вызывать никаких сомнений.

Таким образом терапевтический результат, с одной стороны, явления переживания нередко остро и бурно протекающие, с другой,—являются наиболее доказательными процессами, подтверждающими и все снова и снова позволяющими

¹⁾ Вытеснение.

убедиться, что процессы, о которых мы до сих пор говорили, существуют не только в теории, но и на самом деле.

Люди, судящие о психоанализе, опираясь на опубликованные случаи, разводит руками и даются диву, не понимая, как могут такие, с их точки зрения вздорные, неубедительные аналогии, при этом еще как-то всегда дурно понятые, вызывать у больного какое-либо другое чувство, кроме самого законного недоумения и недоверия. И для того, чтобы пайти какое-нибудь объяснение таким явлениям, приходят к заключению, что ведь дело идет, конечно, о безнадежно больных и понять их психику не дано здоровому человеку. Вот почему положения психоанализа, перенесенные на здорового человека, вызывают обычно самую бурную и неотвратимую оппозицию.

Оппозиция эта объясняется тем, что для того, чтобы правильно судить о психоанализе, нужно познакомиться с этой областью, о которой я уже упоминал, с областью символического мышления.

Конечно, в тех интеллектуальных процессах, которыми пользуется здоровый человек и которым он по праву придает исключительно важное значение, таких элементов, как правило, немного, но делать из этого заключение, что символическое мышление не имеет никакого значения в нашей жизни, было бы неправильным и поспешным.

Всякий из нас из личного опыта знает о тех состояниях рассеянности, во время которых нам в сознание врываются самые пустячные, иногда дикие мысли, которые мы нередко отказываемся признать своими. Тем не менее, конечно, не может быть сомнений, что они также принадлежат нам, как и те, которые мы признаем своими.

Это—действующие в нас, иной раз совершенно помимо, а нередко и против нашей воли, тенденции (я о них уже упоминал), ярко проявляющиеся в тех свойственных всем здоровым людям процессах, которые носят название действий, совершенных по ошибке. Этим явлениям Freud посвящает первую часть своих лекций.

Исходя из анализа таких явлений, Freud'у удастся подвести слушателей совершенно естественно, не вводя их сразу в сферу патологических явлений, в область психоанализа.

На целом ряде случаев, искусно подобранных и остроумно и доказательно апализированных, раскрываются перед

нами закономерные действия со стороны неведомой нам области бессознательного.

Там, в этой недоступной нам области нашего мышления, в полной мере сохранились все те примитивные, суеверные, непонятные для трезвого сознания отношения к миру, в которых человек не хочет или не может себе самому сопоставиться.

Грубые эгоистические желания, фантастические возможности, удивившие нас, если бы они вдруг предстали перед нами,—спокойно, под прикрытием недоступности, пребывают и даже иной раз владеют нами и управляют нашими поступками.

И тем более мы в их власти, тем чаще оказываемся в их руках игрушкой, в руках наших же неизвестных нам влечений, чем меньше у нас сил и охоты их осознать, ввести их в синтез нашего сознания, нашего духовного богатства.

Психоанализ учит нас рассеивать мрак нашего незнания и овладевать этими управляющими нами грубыми силами. Однако для того, чтобы ими овладеть, их покорить, нужно научиться понимать их язык, понимать *значение, смысл* того, что они обнаруживают и показывают.

Всякое психологическое явление имеет свой *смысл* и значение и только узнав смысл его, можно надеяться овладеть и явлением. *Смысл* и значение таких явлений, однако, совсем иные, проходят другие пути, чем мы к этому привыкли, опираясь на привычки нашего сознательного мышления и поведения. То, что кажется убедительным и полным значения в нашем бессознательном, то может, и чаще всего и оказывается, совершенно неприемлемым для сознания, для *нашего* сознания, как нарушающее моральные, социальные или другие высшие наши стремления.

Таким образом выясняется, что наше бессознательное, как примитивное, архаическое мышление, согласно биогенетическому закону, представляющее собой первоначальный стадий мироотношений человека, находится в непримиримом противоречии и во вражде с теми культурными ограничениями личности, которые делают ее социальной единицей, участником в культурном строительстве человечества.

Отсюда следует, что те, у кого преобладает такое архаическое мышление, именно окажутся людьми наиболее анти или асоциальными.

Действительно, Freud'у удалось доказать, что мышление душевнобольных и невротиков, в большей или меньшей степени внеобщественных, отличается как раз такими чертами, которые сближают их с примитивными людьми.

Душевная болезнь, согласно такому воззрению, есть не что иное, как возвращение назад, к первоисточнику мироощущения, а не движение вперед. Таким образом выясняется, что все те болезни, особенно ясно это видно на половых извращениях, которые до сих пор представлялись в науке загадочными, непонятными, стали доступными пониманию и лечению, когда к ним подходишь с этой точки зрения.

Половой инстинкт играет основную роль во всех только что описанных процессах.

Все наше поведение, все наши проявления в основе своей имеют могучий инстинкт самосохранения, который в разрезе родового самосохранения называется половым инстинктом. Половой инстинкт и половое влечение и есть та энергия, тот *primum movens*, которым обуславливается в своем простейшем, первоначальном виде—в форме либидо, всяческое проявление человека. Родовой инстинкт, естественно, обладает громадным значением в жизни отдельного существа, и этот могучий фактор нашего развития, до сих пор, к сожалению, не привлекавший внимания исследователей и незаслуженно ими обходившийся, выдвигается психоанализом на первый план.

Подходя к изучению человеческой души с точки зрения ее динамики, Freud раскрывает перед нами половое влечение, как основную «динамис»-силу душевных движений. В этом пункте, самом существенном для всего психоанализа, Freud встречает наисильнейший отпор и оппозицию. Такое противодействие, как мы узнаем из лекций, вполне понятно, так как именно в этой области общество особенно уязвимо и не чувствует уверенности в прочности своего фундамента.

Ведь только благодаря подавлению половой свободы и регулированию половых отношений могло построиться и окрепнуть и общество и культура. Отказ от свободного вы-